

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Кафедра всеобщей истории

АРХЕОЛОГИЯ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ

Учебно-методическое пособие

Ярославль
ЯрГУ
2022

УДК 902(470.316)(075.8)
ББК Т4(2Рос-4Яро)я73
А87

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2022 года*

Рецензент
кафедра всеобщей истории ЯрГУ

Составитель
Е. В. Спиридонова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории

Археология Ярославского края : учебно-методическое по-
А87 **сobie / сост. Е. В. Спиридонова ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Деми-**
дова. — Ярославль : ЯрГУ, 2022. — 40 с.

Пособие включает краткую историю археологического изучения Ярославского края и описание местных археологических культур от палеолита до Средневековья, списки исследовательской литературы и вопросы для самоконтроля.

Предназначено для студентов, изучающих дисциплину «Археология».

УДК 902(470.316)(075.8)
ББК Т4(2Рос-4Яро)я73

© ЯрГУ, 2022

Введение

История Ярославского края насчитывает более 12 тыс. лет. Только по официальным данным, на территории края на 2005 г. насчитывается 517 археологических памятников, не считая 191 исследованных, но к настоящему времени утраченных. С каждым годом в связи с активным изучением края это число увеличивается. Среди них стоянки и города, городища и селища, могильники и клады... Их изучение помогает восстановить страницы древней истории ярославской земли. Особенно это актуально для древнейшего периода, где прочие, в первую очередь письменные, источники отсутствуют или имеются в незначительном количестве.

На территории края уже второе столетие проводятся археологические раскопки. Здесь работали и работают московские и петербургские экспедиции, ведут исследования местные археологи. Уже более полувека действует Ярославская экспедиция, есть свои экспедиции в Рыбинске и Ростове. Каждый год студенты-историки ЯрГУ им. П. Г. Демидова проходят археологическую практику, участвуя в раскопках как на территории Ярославля, так и за его пределами. За годы существования Ярославской археологической экспедиции были исследованы стоянки каменного века Заволжье и Кубринское 2, городище дьяковской культуры Кубринское 1, древнерусские селища Введенское, Налуцкое, Яковлевское 3 и многое другое. Студенты участвовали в работе Рыбинской археологической экспедиции на поселении Усть-Шексна, работали в Ростове и Угличе.

Данное учебно-методическое пособие является дополнительным к общему курсу по археологии. Оно включает в себя краткие сведения по истории археологического изучения Ярославского края и описание местных археологических культур. Хронологические рамки: от финального палеолита, времени появления первых людей на территории края, до славянской колонизации, основания первых городов и христианизации края в IX–XII веках.

Проблемы ярославской археологии рассматриваются в первой части бесплатного онлайн-курса «Охрана объектов культурного наследия: Ярославская область». Студенты имеют возможность записаться на курс и пройти его полностью или прослушать лекции по интересующим их вопросам. Курс сопровождается тестовыми заданиями по истории археологического изучения края и по ярославской археологии.

Литература

1. Комаров, К. И. Археологическая карта России : Ярославская область / К. И. Комаров. — М., 2005.
2. Археологическая карта России. — URL : <https://www.archaeolog.ru/ru/map>
3. Археологическое наследие Ярославского края : онлайн-курс «Охрана объектов культурного наследия : Ярославская область. Ч. 1». — URL : <https://stepik.org/course/57020/promo#toc>

Часть 1. История археологического изучения Ярославского края

История ярославской археологии насчитывает уже почти 2 столетия. Первые упоминания об археологических памятниках на территории края появляются в местной прессе уже в начале XIX в., но подлинное археологическое изучение края начинается в 1850-е гг. С 1852 г. согласно специальному императорскому указу все археологические изыскания в России находятся в ведении министра внутренних дел Л. А. Перовского, под началом которого работал граф **А. С. Уваров**. Ему вместе с коллежским советником **П. С. Савельевым** суждено было стать родоначальниками систематического исследования археологического наследия на территории Ярославского края.

Всего за четыре сезона было раскопано более 7 000 курганов на территории Ярославской и Владимирской губерний, в том числе в Переславском уезде 2 800, в Ростовском — 927. Только по берегам Плещеева озера было исследовано более 2 000 курганов. Итоги работы были подведены в капитальном для своего времени труде А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам». В нем содержалась общая характеристика погребального обряда, приводились сведения о его вещественном материале; кроме того, в работу были включены покурганное описание некоторых комплексов и атлас рисунков. Правда, как позднее выяснилось, основная масса исследованных памятников принадлежала не мере, а славянам.

Не менее важной проблемой, в изучение которой внес свой вклад А. С. Уваров, было исследование памятников бронзового века. Первым и наиболее знаменитым памятником этого периода стал Фатьяновский могильник, открытый в 1873 г. при строительстве Северной железной дороги. В 1875 г. А. С. Уваров и киевский профессор В. Б. Антонович приступили к планомерному исследованию памятника. Позднее, в 1880–1890-е гг., древности этого типа были открыты и в некоторых других местах на территории края.

Для археологии этого времени характерен отчетливый интерес прежде всего к погребальным памятникам. Культурный слой поселений привлекал мало внимания, их практически никто не копал, что вполне объяснимо. Во-первых, курганы, даже совсем маленькие, было легче обнаружить. Во-вторых, они давали компактные скопления находок, требовавшие меньше усилий и затрат на поиски. Кроме того, они были интересны не только историкам, но и антропологам.

С современной точки зрения исследования, проводившиеся даже в конце XIX в., были во многом дилетантскими. Среди тех, кто брал на себя труд организовать и вести раскопки, многие были далеки от археологии и от истории вообще. Среди них встречаются помещики, копавшие курганы в поисках редкостей для личных коллекций, крестьяне, которые вели грабительские раскопки и продавали находки коллекционерам, местные чиновники, интересующиеся стариной, и т. д.

Постепенно начинает складываться законодательное оформление раскопок. Еще в 1837 г. в положениях губернских правлений было отмечено, что курганы являются общественным достоянием и подлежат заведованию государственной власти. Согласно Высочайше утвержденному «Положению об Императорской археологической комиссии» 1876 г. никакие раскопки не могли быть разрешены каким-либо ученым обществам без предварительного согласования с комиссией. К сожалению, «открытые листы» давали право ведения раскопок только на казённых и общественных землях, а частные владения оставались закрытыми для археологов. Здесь ведение исследований и дальнейшая судьба находок зависела только от воли хозяев. С середины 1890-х гг. комиссия выдавала исследователям специальный полевой дневник, содержание которого было унифицировано и в который следовало заносить все данные о вскрываемом могильнике. Позднее появляются руководства по проведению археологических раскопок, составленные **В. А. Городцовым** и **А. А. Спицыным**.

Большую роль в археологическом изучении Ярославского края сыграла общероссийская Антропологическая выставка, которая состоялась в Москве в 1879 г. На территории края работали известные московские исследователи **Л. К. Ивановский**, **Н. Г. Керцелли**, **А. И. Кельсиев**, нижегородец **А. С. Гациский**. Последний, кстати, положил конец спорам о принадлежности курганов на реке Сить, которые ранее ошибочно связывали с Ситской битвой 1238 г.

Со временем к проведению раскопок подключаются местные любители краеведы-археологи, в частности **Е. И. Якушкин**, **Л. П. Сабанеев**, **А. Я. Ушаков**, **И. А. Тихомиров**.

Важной вехой в развитии ярославской археологии стало проведение в Ярославле в 1887 г. VII Общероссийского археологического съезда. Он стал центральным событием в археологической истории края и во многом предопределил пути её развития. В частности, на съезде бурно обсуждалась идея организации в Ярославле Общества любителей археологии и этнографии. Впоследствии многие из прозвучавших тогда предложений

легли в основу создания в 1889 г. Ярославской губернской ученой архивной комиссии, работа которой оставила большой след в истории.

В конце XIX в. начинаются исследования Петровского, Михайловского и Тимеревского курганных могильников, крупнейших погребальных комплексов эпохи славянской колонизации края. На рубеже веков состоялись первые археологические раскопки на территории города: И. А. Тихомиров в 1900 г. исследовал культурный слой Углича.

Организация в начале XX в. областных историко-археологических съездов была одним из проявлений заметного движения вперед региональной археологии. Первый такой съезд прошел в 1901 г. именно в Ярославле.

Большой удачей для ярославской археологии была работа на территории края в этот период таких крупных ученых, как А. А. Спицын и В. А. Городцов. Первый ярославский памятник, относящийся к раннему железному веку (дьяковская культура), был открыт А. А. Спицыным в 1903 г.: городище Березняки в устье реки Сонохты у села Воскресенья Романово-Борисоглебского уезда. В 1903 г. на Сарском городище проводил раскопки **Н. И. Рерих**, а в 1913 г. Михайловский курганный могильник исследовал шведский археолог **Т. Арне**.

Первые два десятилетия Советской власти вполне закономерно представляют собой особое, исключительное явление в развития отечественной археологии. В 1918 г. в составе Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомате просвещения появляется Археологический подотдел под руководством В. А. Городцова. Он курировал деятельность археологов на местах, выдавал «открытые листы», дающие право проведения раскопок. С 1919 г. функции централизованного официального учреждения, объединяющего научные археологические силы страны, выполняет Российская (позднее Государственная) Академия истории материальной культуры (ГАИМК).

Первые послереволюционные годы были катастрофическими для археологических исследований. На какое-то время даже само слово «археология» было объявлено буржуазным и оказалось в известной степени под запретом. Полевые исследования практически прекратились. В начале 1920-х гг. археологическая наука постепенно возвращает себе относительно устойчивое положение среди исторических дисциплин. Свою лепту в археологическое изучение нашего края внесли Ярославское и Ростовское отделения Московского института археологии; правда, просуществовали они недолго.

В истории ярославской археологии большой вклад внес **Д. Н. Эдинг**, проводивший раскопки Сарского городища, а также вместе с **А. А. Спицыным** исследовавший памятники каменного века. Масштабные исследования Прозоровских и Евчаковских курганов провели **И. А. Тихомиров** и **Н. М. Коробков**. В 1927 г. сотрудник Ростовского музея **М. В. Талицкий** провел разведки на городище Гора святой Марии.

Значительная часть успехов археологии нашего края была обусловлена активной деятельностью краеведов. К сожалению, начавшиеся на рубеже 1920–1930-х гг. гонения закончились повсеместным закрытием краеведческих учреждений и свертыванием проводившихся ими археологических работ.

В 1930-е гг. полевая археология возвращается на территорию края, но на ином, общегосударственном уровне и в совершенно иных масштабах. Вследствие планирования и строительства каскада волжских электростанций именно на Поволжье были брошены главные силы ГАИМК. Масштабные полевые работы разворачиваются на многих памятниках почти одновременно. Предметом особого внимания в Ярославском Поволжье становится район Молого-Шекснинского междуречья и прилегающего к нему берега Волги в связи с запланированным возведением верхневолжских ГЭС и других гидротехнических сооружений. Наиболее обширные разведочные и раскопочные работы проводились в 1933–1936 гг. под руководством **П. Н. Третьякова** и **О. Н. Бадера**. В общей сложности протяженность маршрута экспедиции составила около 1000 км. Всего по итогам 1933 г. было зарегистрировано около 200 памятников, причем часть из них была раскопана в течение того же сезона.

В 1938–1939 гг. научный сотрудник ГАИМК **Я. В. Станкевич** при сотрудничестве с Ярославским краеведческим музеем провела исследование нескольких десятков курганов на двух больших могильниках в окрестностях Ярославля — Тимеревском и Михайловском.

Во второй половине 1930-х гг. берет свое начало особое, чрезвычайно важное направление в отечественной археологии — планомерное исследование древнерусских городов. В 1937 г. отряд под руководством **П. Н. Третьякова** и **М. К. Каргера** работал территории Ярославля у слияния Волги с Которослью. В 1939 г. **М. К. Каргер** предпринял попытку поиска следов собора XIII в. в Спасо-Преображенском монастыре. Исследование Переславля было начато в 1939 г. **Н. Н. Ворониным**. Осенью 1939 г. **Н. Н. Воронин** предпринял также небольшие раскопки на территории Ростовского Кремля. В следующем, 1940 г. **Н. Н. Воронин** переключо-

чился на Ярославль в связи с планировавшейся в скором времени (но не состоявшейся) застройкой его исторической части.

Летопись археологического изучения Ярославской области во второй половине XX в. была связана с деятельностью археологических экспедиций союзного и позднее общероссийского уровня, а также многочисленными, хотя и менее масштабными изысканиями местных исследовательских организаций. После перерыва, обусловленного Великой Отечественной войной, полевые исследования в области возобновились в 1950-х г.

Первым шагом к возвращению на территорию края полевой археологии стали проведенные в июле 1952 г. работы под руководством сотрудника Института истории материальной культуры (ИИМК) **Е. И. Горюновой**, исследовавшей Зубаревский курганный могильник.

В 1954 г. под руководством Н. Н. Воронина создается Среднерусская экспедиция ИИМК АН СССР, которая в течение трех сезонов проводила обширные комплексные исследования на территориях Московской, Владимирской, Ярославской, Смоленской и Рязанской областей.

К числу наиболее значительных исследований этого десятилетия в Ярославской области относились раскопки, проводившиеся Государственным Историческим музеем (ГИМ). Организатором и руководителем цикла работ выступила сотрудник ГИМ **М. В. Фехнер**. Среди раскопанных ею памятников наиболее интересные результаты дали поселения Золоторучье II и Грехов ручей. С 1959 г. ведется интенсивное изучение Тимеревского и Петровского могильников.

1950–1960 г. стали временем формирования собственных исследовательских кадров. Начиная работу в составе московских экспедиций, местные специалисты (в частности, сотрудники краеведческих музеев) приобретали опыт, позволивший им позднее вести самостоятельные полевые исследования.

В истории археологического изучения территории Ярославской области особое место занимают многочисленные раскопки, проведенные под руководством **Д. А. Крайнова**. В 1954 г. он возглавил Угличскую экспедицию, созданную ИИМК и Угличским краеведческим музеем. В отличие от более ранних исследователей, датировавших стоянку Золоторучье I периодом мезолита, Д. А. Крайнов счел её многослойным памятником, начало которому было положено еще в палеолите. Ранее палеолитические памятники на территории края известны не были.

В 1959 г. на базе действовавшей уже в течение нескольких лет Ярославской экспедиции Института археологии АН СССР была организована Верхне-Волжская археологическая экспедиция (ВВАЭ), одним из основ-

ных объектов которой стали памятники фатьяновской археологической культуры. В это время экспедиция вела активную разработку и многослойных памятников палеолита, неолита и бронзы. Эти исследования позволили более четко очертить картину древнейших эпох на территории Верхнего Поволжья. В 1970-х гг. ведутся раскопки памятников Ивановского торфяника и прилегающей территории Переславского района. Одним из важнейших открытий, сделанных в ходе этих исследований, стало выявление верхневолжской культуры — самостоятельной культурно-исторической общности, весьма значимой для раннего неолита Верхней Волги. С началом 1980-х гг. масштабы полевых изысканий Верхне-Волжской экспедиции несколько сократились. Основной площадкой для научных разработок ВВАЭ становится Переславский район с его многочисленными мезолитическими и раннеолитическими памятниками.

В 1969 г. в составе ВВАЭ под руководством **К. И. Комарова** организуется Славянский отряд, основным направлением которого становится исследование средневековых памятников. В 1977 г. Новостроечный отряд Верхне-Волжской археологической экспедиции был преобразован в Волго-Окскую экспедицию (ВОАЭ). Её руководителем становится **А. Е. Леонтьев**. Её с полным основанием можно назвать комплексной экспедицией — и по охвату территории (Ярославская, Тверская, Костромская, Владимирская и Московская области), и по разновременности исследованных памятников — от неолита до Средневековья. В работе экспедиции принимали участие специалисты по антропологии, дендрохронологии, остеологии, палеоботанике и другим естественно-научным дисциплинам. Применительно к Ярославской области можно выделить три основных направления деятельности экспедиции: исследования на территории Ростовского р-на, раскопки в самом Ростове и работы в других районах области в связи с проектами широкой мелиорации озерной котловины.

В результате археологических исследований ВОАЭ на территории самого Ростова были получены принципиально новые сведения об истории города. Общая вскрытая площадь, составляющая более 2 тыс. м², позволила достаточно уверенно говорить о топографии и территориальном росте древнего города со времени его основания и до позднего Средневековья.

В 1972 г. Ярославским отрядом кафедры археологии исторического факультета ЛГУ во главе с **И. В. Дубовым** были проведены разведочные работы по течению реки Которосли от озера Неро до Волги, было продолжено изучение Тимеревского археологического комплекса. Исследо-

вания позволили уточнить хронологические рамки бытования некрополя, проследить торговые связи жителей Ярославского Поволжья, подробнее осветить социально-экономический уклад и этнический состав населения, охарактеризовать бытовавшие здесь культы бобра и медведя.

С началом 1980-х гг. в археологии края отмечается все более устойчивый рост интереса к средневековым городам. Так, в 1982 г. в Ярославле начинает планомерные раскопки отряд архитектурно-археологической экспедиции Ленинградского отделения института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа под руководством **О. М. Иоаннисяна**, работавший при участии сотрудников Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. Помимо Ярославля, архитектурно-археологическая экспедиция проводила работы в Переславле-Залесском, Угличе и Ростове.

С 1989 г. раскопки на территории Угличского кремля ведет Угличская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством **С. В. Томсинского**. В 2002 г. она получила статус Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа.

Начало 1990-х гг. было отмечено всплеском активности экспедиции Ярославского государственного историко-архитектурного музея-заповедника под руководством **П. Г. Аграфонова**. В 1990–1991 гг. экспедиция проводит раскопки Харитоновского курганного могильника, разведки в Пошехонском районе, ведет работы по археологическому изучению Тутаева.

С 1990 г. начинает действовать Рыбинская археологическая экспедиция под руководством **А. Н. и И. И. Рыкуновых**, приступившая к раскопкам открытого на правом берегу Шексны еще в конце 1970-х гг. Ярославской археологической экспедицией поселения Усть-Шексна. Раскопки выявили усадебно-дворовую застройку, характерную для древнерусских городов, обнаружили следы крупного металлургического производства, ювелирных мастерских, деревообрабатывающего и ряда других ремесел. Были найдены поливные плитки и фрагменты кирпича-плинфы, использовавшиеся при строительстве каменных храмов домонгольской Руси; обнаружены вислые свинцовые печати новгородских посадников, греческих церковных иерархов середины XII в., князей Давыда Святославича, Юрия Долгорукого и Юрия Всеволодовича. С лета 2004 г. на базе Рыбинской экспедиции ведется экспериментальная научно-исследовательская работа под руководством старшего научного сотрудника Института археологии РАН Ю. Б. Цетлина. Реконструированы несколько видов гончарных горнов и металлургическая печь шахтовой конструкции.

Создание Ярославского государственного университета археологической экспедиции (ЯГУАРЭ) связано с именем **И. Л. Станкевич**. В 1971 г. на только что открытом историческом факультете ею был организован студенческий археологический кружок и начала складываться коллекция для Кабинета археологии. Весной 1972 г. начинаются разведки археологических памятников. Первый выезд на реку Лахость с целью проверки сведений о находках здесь неолитической ямочно-гребенчатой керамики состоялся 2 мая 1972 г. — впоследствии эта дата стала официальным днем рождения экспедиции.

Первым памятником, открытым в ходе разведок, стала неолитическая стоянка Заволжье — древнейшее на настоящий момент поселение на территории г. Ярославля.

Основным направлением исследований того периода стало изучение памятников раннего железного века, которые тогда находились вне сферы внимания столичных археологов. На берегу реки Кубри в мае 1974 г. было найдено поселение, ставшее на десять лет местом археологической практики студентов-историков. Раскопки городища, получившего название Кубринское I, продолжались до 1983 г. В том же 1974 г. неподалеку от городища в пойме Кубри была открыта стоянка, получившая название Кубринское II.

В 1975–1976 гг., помимо раскопок на Кубри, были исследованы остатки разрушенного карьером дьяковских городищ Кундринское, Гусарников Городец, Акуловское и селища Копок недалеко от села Курба. Позднее к исследованиям памятников раннего железного века добавились раскопки средневековых курганных могильников у деревни Прошево Тутаевского района.

В 1980 г. было открыто древнерусское поселение Введенское X–XIV вв., стационарные раскопки которого начались в 1983 г. и продолжались до 2000 г. В настоящий момент это единственное сельское древнерусское поселение, раскопанное полностью.

В 1982 г. проводились спасательные раскопки на фатьяновском могильнике у деревни Савинское в Рыбинском районе. Здесь во время разрушения карьера экскаватором было разрушено и несколько погребений. В 1985 г. по приглашению тутаевских краеведов ярославские археологи исследовали культурный слой древнего Романова.

И. Л. Станкевич удалось сформировать сильную самостоятельную экспедицию, со своими достижениями, исследовательскими традициями и хорошими перспективами. Характерной особенностью экспедиции был четкий график проведения работ, обусловленный в значительной мере

тесной связью с историческим факультетом ЯрГУ и регулярным проведением студенческой археологической практики. Каждый год сезон открывался стационарными работами на одном памятнике, которые велись в течение 3–4 недель. После этого проводились разведочные поездки по области и небольшие по объему раскопки разрушающихся памятников.

В 1992 г. Ярославскую археологическую экспедицию, ставшую правопреемницей ЯГУАРЭ, возглавил ученик И. Л. Станкевич **В. В. Праздников**. Постепенно принимают планомерный характер раскопки (пусть и небольшими площадями) на древнейшей территории Ярославля и мониторинг разрушающихся памятников археологии. Принятые за эти годы на областном и муниципальном уровнях законодательные и нормативные акты сделали невозможным любое строительство в крупнейших исторических городах без предварительного участия специалистов-археологов.

После завершения раскопок Введенского в качестве нового объекта стационарных раскопок выбрано селище Налуцкое в Угличском районе. Раскопки этого памятника продолжались с 2001 по 2007 г. В 2008–2009 гг. проводились работы на многослойном памятнике Костенево в Мышкинском районе. В тех же сезонах велись раскопки на территории Мышкина с целью уточнения датировки первоначального поселения на месте города. А с 2010 г. начались раскопки на поселении Яковлевское 3 в Угличском районе, которые продолжаются до сих пор.

Ярославской экспедицией была проделана большая работа по обследованию разрушающихся памятников археологии. Проверено состояние и проведены исследования на более чем 70 объектах в Брейтовском, Мышкинском, Некоузском, Некрасовском, Переславском, Пошехонском, Рыбинском, Тутаевском и Угличском районах. Расширяется спектр и нарастает количество небольших по объему работ заказного характера на участках старого центра, уходящих под строительство. График производства работ для экспедиции определяется теперь в значительной степени градостроительными планами и проектами. С одной стороны, это означает, что раскопки носят практически только спасательный характер и выбор места их проведения обусловлен не научными критериями, а необходимостью предотвращения больших научных потерь, с другой — проведение таких обязательных раскопок приобретает систематический, планомерный характер.

В 2002 г. была возобновлена традиция межрегиональных археологических конференций в Ярославле, которые стали проводится каждые два года. На конференциях выступают археологи из ярославских городов, Москвы, Петербурга, Твери, Череповца, Вологды и др.

Одну из важнейших глав в новейшей истории археологического изучения Ярославского края составили начатые в 2004 г. раскопки в историческом центре Ярославля — на месте слияния Волги и Которосли. В первую очередь это работы 2004–2006 г. на месте Успенского собора, разрушенного в 1937 г., проводившиеся Отделом охранных раскопок ИА РАН под руководством **Д. О. Осипова**, **Н. Н. Фараджевой** и **А. В. Энговатовой**. Работы были продолжены на территории Стрелки в 2007–2008 гг., когда были разбиты два больших раскопа — около церкви Николы Рубленый город и между Митрополичьими палатами и Ильинско-Тихоновской церковью. В результате была подтверждена датировка строительства Успенского собора 1660–1663 гг., выявлены остатки подклета Успенского собора начала XVI в., найдены фрагменты первого каменного здания Ярославля — Успенского собора начала XIII в., открыты древнейшие оборонительные сооружения Ярославля XI в., исследованы 9 коллективных захоронений жертв монголо-татарского нашествия, кладбище XVI–XVII вв. и многое другое. Впервые найдены вислые актовые печати, которые использовались для скрепления важных юридических документов: это печати первого удельного ярославского князя Всеволода Константиновича, погибшего на р. Сити; княгини Марии, жены Константина Всеволодовича; Афанасия, смоленского епископа; князя Александра Невского. Археологические исследования города носили комплексный характер, к участию в проекте были привлечены антропологи, археозоологи, палеоботаники, палинологи, почвоведы, дендрохронологи, энтомологи и многие другие специалисты естественно-научного профиля. Раскопки на Волжской набережной продолжаются до сих пор и, вполне вероятно, приведут к новым открытиям в истории Ярославского края.

Литература

1. Аграфонов, П. Г. История ярославской археологии / П. Г. Аграфонов, В. В. Праздников, Е. В. Спиридонова. — М., 2009.
2. Кураев, И. В. Историография курганов Ярославского Поволжья / И. В. Кураев // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 111. — М., 1999. — С. 11–24.
3. Никитин, И. В. Ярославль : из истории археологического изучения города / И. В. Никитин // Археология Ярославского края. Вып. 1. — Рыбинск, 1998. — С. 11–18.
4. Рязанцев, Н. П. Археологические исследования провинциальных музеев и краеведческих обществ в 1920-е годы / Н. П. Рязанцев // Архео-

логия : история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. — Ярославль, 2007. — С. 186–193.

5. Селиванов, А. М. Историческое краеведение / А. М. Селиванов. — Ярославль : ЯрГУ, 2005.

6. Соловьева, М. С. Из истории архитектурно-археологических исследований территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле / М. С. Соловьева // Археология : история и перспективы исследования. Первая межрегиональная конференция. — Ярославль, 2003. — С. 279–283.

7. Спиридонова, Е. В. Ярославская археологическая экспедиция : 1972–2012 годы // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2012. — № 3. — С. 50-56.

8. Станкевич, И. Л. Записки археолога / И. Л. Станкевич. — Ярославль, 2000.

Часть 2. История Ярославского края с древнейших времен до XII века

Каменный век

Первые люди на территории Ярославского края появились около 12 тыс. лет назад. Это был период завершения последнего валдайского оледенения, когда вдоль ледникового щита широкой дугой располагались зоны тундры и лесотундры, по которым бродили мамонты, шерстистые носороги, большерогие олени, первобытные бизоны и другие представители мамонтовой фауны.

Самые древние следы присутствия человека в нашем крае обнаружены в окрестностях Углича и Мышкина (Золоторучье, Алтыново и Федюково). Стоянки относятся к **иеневской археологической культуре**, которую еще недавно относили к позднему мезолиту, но, по новейшим данным, её возраст превышает 10,5 тыс. лет, т. е. она относится к финальному палеолиту. Культура была выделена Л. В. Кольцовым в 1977 г., названа по стоянке Иенево 2 (Тверская область).

Стоянки располагались в основном на террасах рек. Среди находок — резцы, скребки, скобели с широкими и узкими дугообразными выемками, ножевидные пластины, топоры, тёсла, долота и т. д. Местной особенностью являются наконечники стрелы с боковой выемкой. Кремневые орудия отличались массивностью.

Иеневская культура оставлена подвижными охотниками на северного оленя в приледниковой зоне Европы. Вероятно, её носители откочевали вслед за стадами северного оленя, уходившими за ледником в Скандинавию, где с ними связаны местные культуры Фосна и Комса. Сейчас большинство исследователей считают, что иеневская культура, как и ряд синхронных ей культур, входит в лингбийско-аренгсбургскую общность, являясь её локальным вариантом.

В эпоху мезолита на территории Волго-Окского междуречья была распространена **бутовская культура**, также выделенная в 1976 г. Л. В. Кольцовым и получившая название по стоянке Бутово 1 в Тверской области. Датируется VIII–VI тыс. до н. э. Её происхождение связывают с традициями рессетинской (по другим данным, свидерской) культуры позднего палеолита.

На территории нашего края стоянки найдены в основном на территории Ивановского и Берендеевского торфяников Переславского р-на. Для культуры характерно сочетание кремневых иволистных и черешковых стрел, микролитов с затупленным ретушью краем, скребков, резцов,

рубящих орудий. Жилища были наземными, шалашевидными, с 1–2 очагами внутри. На стоянке Берендеево III был обнаружен помост сложной конструкции, состоящий из нескольких слоев бересты и деревянных плах со следами кострища. Население занималось в основном охотой. Вероятно, начинали зарождаться культы медведя и лося. Например, на стоянке Ивановское III было обнаружено деревянное скульптурное изображение «перевертыша» медведя-лося.

Бутовская культура впоследствии легла в основу ранненеолитической верхневолжской культуры.

Первой неолитической культурой на территории края стала **верхневолжская**. Открыл стоянки этой культуры еще Б. С. Жуков в 1920-е гг., но официально она была выделена в 1972 г. Д. А. Крайновым. Культура датируется концом VI — началом IV тыс. до н. э. Наиболее известны комплексные стоянки Сахтыш и Ивановское.

Небольшие по площади поселения располагались по берегам рек или озер. Жилищами служили полуземлянки, округлые или овальные в плане, с 1–2 очагами. Ранненеолитические погребения практически не известны. Лишь на стоянке Ивановское VII в 1988 г. было раскопано безынвентарное захоронение мужчины европеоидного типа, похороненного в вытянутом положении на спине головой на запад.

Керамика довольно разнообразна. Существовали как круглодонные, так и остродонные сосуды. На ранних этапах основным элементом орнамента являлся тычково-накольчатый, позднее появляется ложношнурковый, прочерченный и короткозубчатый орнаменты, а на поздних этапах — ямочный и длиннозубчатый.

Кремневый инвентарь сходен с мезолитическим. Это наконечники стрел, скребки, проколки, вкладыши для гарпунов и т. д. Среди костяных орудий — игловидные и перовидные наконечники стрел (есть с притупленным концом, вероятно для охоты на мелких пушных зверей и птиц), гарпуны, кинжалы, шилья, штампы для керамики. Встречаются небольшие камни с геометрическим орнаментом, подвески из зубов бобра и лося.

Ассортимент орудий и топография поселений свидетельствуют о довольно развитых формах рыболовства и охоты. Важную роль в рационе ранненеолитического человека играли также плоды и ягоды.

С рубежа V–IV и до конца III тыс. до н. э. всю лесную полосу Европейской части России (от границ лесостепи до Беломорья) занимают культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Льяловская культура была впервые выделена Б. С. Жуковым в 1925 г. на основании стоянки у деревни Льялово в Московской области.

Датируется IV тыс. до н. э. На территории Ярославской области можно упомянуть стоянки Золоторучье III, Заволжье, Уница, Польцои др.

Стоянки располагались на берегах озёр и рек. Найдены крупные (до 140 м²) вытянутые дома с очагами, как наземные, так и полуземлянки с двускатной крышей. На стоянке Сахтыш I обнаружена полуземлянка общей площадью 120 м² с двускатной крышей, внутри — остатки земляных нар, покрытые деревом и мхом. Обнаружены также два очага, вокруг которых стояли не менее 30 сосудов с костями и чешуей рыб, костями животных. Вместе с людьми в жилище проживали собаки, кости которых найдены в большом количестве.

Рядом с поселениями располагались грунтовые могильники. Погребальный обряд отличался разнообразием. Были обнаружены костяки, лежащие в вытянутом положении на спине и на животе, скорченные захоронения, почти все они были ориентированы на юго-восток. Иногда костяки посыпаны охрой. Погребальный инвентарь беден: единичные орудия и украшения.

Характерны лепные керамические сосуды полуяйцевидной формы с округлым дном, с добавками в глину толчёного гранита или песка; вся внешняя поверхность покрыта сплошным зональным орнаментом из ямок, сделанных белемнитом, разнообразных отпечатков гребенчатого штампа, «полулунных» вдавлений. В основном посуда служила для приготовления пищи, но встречаются и миниатюрные, видимо ритуальные, сосуды.

Среди кремнёвых изделий преобладают орудия на отщепах. Характерны листовидные наконечники стрел, ромбические наконечники дротиков, скребки, ножи. Есть орудия для производства деревянных изделий (ковшей, ложек). Встречены крупные шлифованные каменные орудия — топоры, долота, тесла.

На торфяниковых стоянках найдены изделия из кости и дерева: обломки гарпунов, рыболовные крючки из кости. Характерны костяные стрелы, роговые мотыги, шилья, иглы. На стоянке Сахтыш I обнаружены деревянные ковши, ложки, берестяной туесок, поплавки, обломки лыж и весел. Найдены предмет из липового лыка, напоминающий шляпу, и берестяной «кошель», сшитый жильной нитью.

Встречены и произведения искусства: скульптурное изображение головы лося, костяной орнаментированный жезл, фигурки из обожженной глины, украшения из зубов животных. В основе хозяйства — охота, рыболовство, собирательство.

До сих пор остается спорным вопрос о месте зарождения льяловской культуры. Долгое время основной была точка зрения, что её становление происходило на территории Волго-Окского междуречья. Позднее Д. А. Крайнов предположил, что зарождение культуры происходило в северной части лесной полосы Европейской части России. Сейчас большинство исследователей выводят льяловскую культуру из верхне-волжской, вероятно с небольшой примесью пришельцев с севера. Последнее обстоятельство нашло отражение в появлении представителей северного лапоноидного антропологического типа, известного в материалах Сахтышских могильников, а также северных типов керамики (сперрингс), сланцевых орудий и глиняной пластики.

В конце IV тыс. до н. э. в среду льяловского населения проникают отдельные группы пришельцев с северо-запада. В результате взаимодействия пришлого населения (валдайская и волго-камская культуры) с аборигенами складывается **волосовская культура** (конец IV — рубеж III–II тыс. до н. э.).

Впервые она была выделена В. А. Городцовым в ходе раскопок Волосовской стоянки около Муром. Выделяется несколько этапов и локальных вариантов. Раскопано большое количество поселений, у нас это Берендеево, Варос, Липовка, Вашутинская, Караш и др.

Исследованы долговременные поселения и сезонные стоянки. Жилища — полуземлянки, реже наземные постройки, подквадратной формы каркасно-столбовой конструкции, с бревенчатыми стенами, двускатной крышей, хозяйственными пристройками и очагами в центре и вдоль стен.

Погребения, одиночные и коллективные (до 16 человек), располагались как на поселениях, в жилищах, так и близ посёлков. Вытянутые на спине, реже на животе и скорченные, посыпанные охрой, ориентированы в основном на юго-восток или юг. Около погребений нередко встречаются кострища и черепа медведей; среди погребального инвентаря — украшения из кости, камня, янтаря, изредка орудия, посуда отсутствует. На позднем этапе появляются могильники. На стоянке Сахтыш II рядом с могильником располагалось так называемое «святилище» — деревянное помещение полуземляночного типа. Внутри были обнаружены кости медведя, лося, кабана, развал глиняного сосуда, а также маска («личина») человека, сделанная из рога лося. Вероятно, она надевалась на голову жреца или шамана во время совершения обрядов.

Керамика представлена сосудами с округлым и плоским дном, с примесью толченой раковины и соломы. Украшена по всей поверхности, реже только по верхнему краю оттисками зубчатого штампа и верёвки,

врезными линиями, вдавлениями, образующими ромбические сетки, зигзаги, треугольники и др.; на позднем этапе увеличивается число неорнаментированных сосудов.

Кремневый инвентарь очень разнообразен и хорошо обработан. Наконечники стрел листовидные, ромбические и черешковые. Найдены шлифованные каменные топоры и молоты. Известны костяные и деревянные изделия. Встречаются кремневые антропоморфные и зооморфные фигурки (лось, медведь, утка), каменные и янтарные плоские подвески, каменные кольца.

Антропологический тип определен как северный европеоидный, иногда с лапоноидными чертами. В основе хозяйства — рыболовство и охота. На позднем этапе появляетсяковка и литьё меди в открытых формах.

Сейчас большинство исследователей относят ранние памятники волосовской культуры к финальному неолиту, поздние — к началу эпохи раннего металла.

Литература

1. Кольцов, Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. — М., 1999.

2. Костылева, Е. Л. К вопросу о происхождении Льяловской культуры / Е. Л. Костылева, А. В. Уткин // Юбилейный сборник, посвящённый 85-летию со дня рождения профессора Ю. А. Якобсона. — Иваново, 2000. — С. 19–23.

3. Неолит лесной полосы Восточной Европы : (Антропология сахтышских стоянок) / отв. ред. Т. И. Алексеева. — М., 1997.

4. Неолит Северной Евразии / отв. ред. С. В. Ошибкина. — М., 1996.

5. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева, П. М. Долуханов, А. М. Шукуров. — СПб., 2004.

6. Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения / А. Н. Сорокин. — М., 2006.

7. Уткин, А. В. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры / А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва // Археологическое изучение Центральной России : тез. международной конференции, посвященной столетию со дня рождения В. П. Левенка. — Липецк, 2006. — С. 124–126.

Бронзовый век

В III — начале II тыс. до н. э. среди местного поздненеолитического населения Восточной и Средней Европы расселяются скотоводческо-

земледельческие племена **культуры шнуровой керамики и боевых топоров**. Они вели кочевой или полукочевой образ жизни, использовали колесный транспорт. В настоящее время культуры шнуровой керамики рассматриваются как одна из крупных ветвей индоевропейской языковой семьи, а именно протобалтов и протославян на востоке и протгерманцев, протокеЛЬтов и протоиталийцев на западе.

Одним из локальных вариантов была **фатьяновская культура** (III — начало II тыс. до н. э.), которая занимала территорию центра европейской России, в том числе и нашу область. Своё название культура получила по первому могильнику, открытому в 1873 г. у д. Фатьяново Даниловского уезда.

Поселений, которые бы четко соотносились с фатьяновской культурой, крайне мало, в основном они известны в Среднем Поволжье (бала-новский вариант культуры): прямоугольные полуземлянки и срубные дома с очагом в центре. П. Н. Третьяков считал, что фатьяновцы были кочевниками, передвигались на четырехколесных и двухколесных повозках, перевозя на них свои лёгкие жилища. Д. А. Крайнов предполагал, что фатьяновцы для жилья использовали стоянки волосовцев, с которыми они или сосуществовали как соседи, или вытесняли их.

В отличие от поселений, могильников известно огромное количество. В Ярославской области их более 70, самый большой — Волосово-Даниловский в Даниловском районе (125 погребений).

Для фатьяновцев характерны грунтовые родовые кладбища, устроенные, как правило, на высоких холмах естественного происхождения. Глубина могил различна, как правило 1–1,5 м, могильные ямы от 1,5 x 0,9 м до 5,6 x 3 м. Размеры, глубина и место могил на могильниках зависели от общественного положения погребённых и их возраста: чем почтеннее и старше был член рода, тем больше размеры и глубина могилы.

В могилах устраивали погребальные сооружения из деревянных плах, луба, бересты, плетёнки, иногда стенки обмазывали глиной. Покойника, завёрнутого в шкуру или бересту, клали в это сооружение в скорченном виде. Причем мужчин — на правый бок головой на запад, женщин — на левый бок головой на восток; иногда встречались трупосожжения. В могилах встречаются кострища, угли около черепа и ног, очень редко — охра. Сверху сооружение покрывалось лёгким настилом.

Мужское погребение нередко окружалось могилами женщин и детей. Видимо, имелось чёткое разделение труда, хотя о приниженном положении женщин вряд ли можно говорить, правда, в отдельных случаях встре-

чаются погребения, где к мужчине подхоранивалась насильственно умерщвлённая женщина.

Погребальный инвентарь и его расположение разнится по полу. У мужчин кремневые ножи располагались у пояса, рядом с кистью руки, а у женщин — в ногах, около сосудов или в сосудах. Боевые каменные сверлёные топоры у мужчин располагались около головы, у юношей — в ногах, у мальчиков их иногда заменяли игрушечные топорики из глины. В богатых мужских захоронениях встречаются бронзовые топоры и наконечники копий. У головы или на запястье левой руки погребённых встречаются медвежьи клыки. В одном из наиболее богатых парных захоронений Вауловского могильника был найден большой кинжал, сделанный из кости медведя. В женских погребениях найдены бронзовые браслеты, перстни, привески, пронизки, много украшений из зубов животных и костей птиц, раковин, иногда из янтаря.

Посуда ставилась в основном в ногах погребённых, реже — около головы или пояса (у женщин и юношей), причем у женщин её больше. В горшках остатки мясной пищи, в основном кости свиней, коз и овец. Лепные сосуды круглодонные «бомбовидной» формы с невысокой вертикальной шейкой. На керамике штампованный геометрический орнамент, линии из отпечатков шнура, встречаются нарезки, зигзаги, ромбы.

Среди находок есть глиняные литейные формы для изготовления топоров, наконечников копий, украшений. Медь добывали и привозили из Среднего Поволжья. Каменных орудий пока еще больше, чем медных, это песты, диоритовые топоры-молоты, наконечники стрел, скребки, клиновидные топоры. Из кости делали проколки, шилья, молоточкообразные булавки.

В Вауловском могильнике было раскопано ритуальное захоронение медведя и барана. Дно погребальных ям обмазано глиной, рядом с костями медведя лежали кусочки охры и камень, на котором, по-видимому, растирались краски.

В хозяйстве преобладало скотоводство (свиньи, козы, овцы, позднее лошади и коровы). Примечательно, что в погребальных сосудах практически отсутствуют кости крупного рогатого скота, лишь в поздних могильниках встречаются изделия из костей коровы и остатки коровьих черепов. Видимо, коров разводили в основном ради молока. По косвенным данным фиксируется и подсечно-огневое земледелие. Занимались охотой и рыболовством.

Антропологи отмечали близость фатьяновцев к прибалтийскому типу и некоторое сходство с населением Средней Европы (Силезия, Чехия).

Продолжительность жизни была невелика, женщины редко доживали до 40 лет, мужчины жили дольше, но крайне редко доживали до 60 лет. У верхневолжских фатьяновцев отмечены факты трепанации черепа, а также искусственной деформации черепа.

В 2020 г. эстонские палеогенетики выделили ДНК из костных останков захоронений фатьяновской культуры в ряде областей РФ. Выяснилось, что 58 % фатьяновцев имели кожу промежуточного оттенка, 42 % были тёмнокожими. 79 % фатьяновцев имели карие глаза, 21 % — светлые (возможно, голубые). 75 % фатьяновцев имели чёрные/тёмно-коричневые волосы, 21 % — коричневые/тёмно-коричневые. 17 % фатьяновцев имели толерантность к лактозе.

По мнению Д. А. Крайнова, отдельные группы влившихся в фатьяновскую культуру племён ранее обитали в Висло-Рейнском междуречье, Верхнем и Среднем Поднестровье. Р. Я. Денисова видела в них восточную ветвь протобалтов, а Л. Клейн находил сходство фатьяновской культуры с культурой ладьевидного топора Швеции и Норвегии.

Проникновение фатьяновцев на территорию, занятую волосовскими племенами, не всегда проходило мирно. О столкновениях свидетельствуют коллективные погребения убитых фатьяновцев и волосовцев. По мнению А. В. Уткина и Е. Л. Костылёвой, фатьяновцы, появившись на территории волосовцев со своими стадами, принесли на эту территорию новые инфекционные заболевания, но и сами получили от волосовцев их инфекции, в результате чего население вымирало целыми посёлками, о чём свидетельствуют хронологически одновременные коллективные захоронения на волосовских и фатьяновско-балановских кладбищах без признаков насильственной смерти. Местное население заимствовало у фатьяновцев разведение скота, приёмы металлообработки, отдельные элементы орнамента, обряд погребения и пр. На многих поздневолосовских стоянках имеются следы смешения волосовской и фатьяновской культур. Пережитки фатьяновской культуры прослеживаются в Волго-Окском междуречье вплоть до исторических времён, особенно в культуре ярославской мери.

Восточнее фатьяновской во второй половине III — начале II тыс. до н.э. формируется **абашевская культура**. Она распространяется от Калужской области до Башкирии, на юге Ярославской области к ней относится Кухмарский могильник. Культура была открыта в 1925 г. и получила своё название от села Абашево (Чувашия).

Захоронения подкурганные, причем под одним курганом могло находиться несколько могил прямоугольной формы. Погребенных клали на спину с подогнутыми ногами головой на юго-восток и восток, в еди-

ничных случаях — на северо-восток и северо-запад, очень редко встречается южная ориентация.

Характерны как круглодонные, так и плоскодонные сосуды колоколовидной и острореберной форм. Орнамент шнуровой, штампованный или линейный. Встречаются медные вислообушные топоры, тесла, наконечники копий, кинжалы, браслеты, мелкие бляшки для нашивания на одежду.

Хозяйство скотоводческое: разводили крупный рогатый скот, лошадей. Найдены глиняные модели повозок. Есть следы земледелия, но оно явно играло второстепенную роль. Абашевцев относят к индоиранской ветви индоевропейской семьи.

Некоторое влияние на дальнейшее развитие Ярославского края оказали и пришедшие со Среднего Поволжья племена **поздняковской культуры** (середина II — начало I тыс. до н. э.). Первые поселения были обнаружены в 1881 г. А. С. Уваровым у села Поздняково близ Муром, в качестве самостоятельной культуры её выделили в 1927 г. На нашей территории к данной культуре можно отнести могильник Дикариху в Переславском районе.

Поздняковская культура представлена небольшими родовыми поселениями, располагающимися на речных террасах, курганными, позднее грунтовыми могильниками. Дома небольшие, заглубленные в землю, с плетеными стенами, двускатной крышей и несколькими очагами. Погребения представлены скорченными трупоположениями.

Посуда плоскодонная, с жемчужным и верёвочным орнаментом. Собственных месторождений меди у поздняковцев не было, её привозили из южного Приуралья. Известны бронзовые топоры, ножи, серпы, кинжалы, наконечники копий, браслеты, кольца.

По антрополоическому типу поздняковцы европеоиды с чертами лапоноидности. Предполагается их связь с финно-угорскими племенами бронзового века, подвергшимися заметному влиянию степняков, носителей иранских языков. Происхождение культуры связывают с продвижением в северные районы лесостепи носителей срубной культуры и их взаимодействием с местными племенами. Поздняковская культура была частично ассимилирована культурой текстильной керамики. Традиции культуры сохранились в ряде культур раннего железного века, в частности в дьяковской и городецкой.

Литература

1. Абашевская культурно-историческая общность : истоки, развитие, наследие : материалы междунар. науч. конф., Чебоксары, 26–30 мая 2003 года / [Редкол. : В. С. Бочкарев и др.]. — Чебоксары, 2003.
2. Волкова, Е. В. Гончарство фатьяновских племен / Е. В. Волкова. — М., 1996.
3. Крайнов, Д. А. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа / Д. А. Крайнов // Свод археологических источников. В 1–20. — М., 1964.
4. Крайнов, Д. А. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье / Д. А. Крайнов, О. С. Гадзяцкая // Свод археологических источников. В 1–22. — М., 1987.
5. Кренке, Н. А. Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры / Н. А. Кренке // Российская археология. — 2019. — № 2. — С. 110–116.
6. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / отв. ред. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. — М., 1987.

Ранний железный век

На территории Волго-Окского междуречья в самом конце бронзового века складывается культура «текстильной», или «сетчатой», керамики. Глиняная посуда была покрыта настолько густыми оттисками гребенчатого штампа, что поверхность приобретала сетчатый, или текстильный, облик. На основе данной культуры в I тыс. до н. э. формируется уже относящаяся к железному веку **дьяковская культура** (VII в. до н. э. — VI в. н. э.), названная по первому изученному памятнику — городищу у села Дьяково близ Коломенского, раскопки которого вел в 1864 г. Д. Я. Самоквасов.

В этноязыковом отношении население дьяковской культуры было изначально финно-угорским, затем на этот субстрат наслои́лся балтский элемент. Двигаясь на запад, дьяковцы сменили абашевскую и остатки фатьяновской культуры, причём археологические источники свидетельствуют об ожесточенной борьбе между дьяковцами и последними фатьяновцами. Вытеснение финскими пришельцами раннескотоводческих племён объясняется, видимо, более гибкими формами хозяйства с использованием земледелия, тогда как фатьяновцы переживали кризис из-за неблагоприятных для животноводства климатических изменений.

В этот период наряду с неукрепленными поселениями (селищами) появляются первые городища. Поселения располагались на естественно

укрепленной территории (при впадении одной реки в другую, между двумя ручьями или оврагами и т. д.). По площади поселения были небольшими — 1–2 тыс. м².

Первоначально укрепления ставились из брёвен. С III в. до н. э. бревенчатые укрепления сменяются земляными, более мощными. Поселение окружали 2–3 вала, иногда с частоколом, идущим поверху, перед каждым валом располагался ров. Часто входы располагались по типу лабиринта — на противоположных сторонах валов. По-видимому, эти изменения, которые произошли почти синхронно на многих дьяковских городищах, были как-то связаны с общим ухудшением международной обстановки. Последние века до нашей эры — время, когда в южных степях прокатывается волна сарматского переселения. Эти, казалось бы, далекие от Волго-Окского междуречья события, могли вызвать своеобразную цепную реакцию и вынудить местное население к строительству более мощных оборонительных укреплений.

Наиболее ранним типом жилищ были круглые в плане землянки диаметром от 4,5 до 7 м с очагом в центре. Стены укреплялись плетнем, пол был глинобитный или земляной. На поздних этапах появляются землянки прямоугольной формы, полуземлянки и наземные дома — срубы площадью от 25 до 60 м². Отапливалось жилище при помощи печей-каменок. Расположение домов на поселении было круговым, что характерно для скотоводов. В центре располагалась незастроенная площадь, куда загоняли скот в случае опасности. В некоторых городищах находят кузницы и дома, где собирались женщины для прядения и ткачества (например, на городище Березняки в Рыбинском р-не).

Основой хозяйства было скотоводство, причём в стаде основную роль играли лошади. Разводили также свиней, мелкий и крупный рогатый скот. Для корма свиньям собирали желуди: климат в то время был более мягким, чем сейчас, и дубы были широко распространены. Лошади были малорослые, непородистые, их кости встречаются в том числе и среди пищевых отходов. Вообще, широкое разведение лошадей в лесных и довольно холодных условиях объясняется, видимо, тем, что для них надо было меньше заготавливать корма на зиму, при малоснежных зимах лошадь могла добывать корм из-под снега сама. Позднее лошадей стали использовать как транспортное средство, среди археологических находок появляются детали конской упряжи — псалии.

О земледелии свидетельствуют встречающиеся на поселениях зернотёрки, мотыжки, серпы. На начальных этапах земледелие было мотыжным, впоследствии появляется и пашенное. Сеяли рожь, пшеницу, коноплю.

У дьяковцев была высоко развита металлургия. Они освоили сыродутную варку железа, использовали местные болотные руды. На поселениях встречаются остатки домниц или производственные площадки, на которых по мере надобности они строились. На Кубринском городище были найдены фрагменты глиняных сопел — трубочек, через которые с помощью мехов нагнетали воздух в домницу. Умели дьяковцы и лить бронзу: встречаются льячки — глиняные ложки, служившие для переливания расплавленного металла в литейные формы, и маленькие тигли — чашечки, в которых плавил металл. Но своих месторождений меди здесь не было, и плавка меди была лишь передельной, т. е. переплавляли сломанные привозные вещи. Из бронзы делались в основном украшения — браслеты, бляшки, булавки, перстни, подвески.

Но металла на поселениях дьяковцев встречается мало, для производства различных вещей широко использовалась кость. Из нее изготавливали двупёрые стрелы, проколки, шилья, гарпуны, иглы и т. д. Железными с самого начала являются лишь ножи — серповидной изогнутой формы. Позднее ножи начинают по форме напоминать наши перочинные, но с горбатой спинкой. На позднем этапе железных изделий становится много, в том числе появляются черешковые стрелы, напоминающие сарматские. Появляются железные удила, топоры, рыболовные крючки, косы, пряжки, кузнечные принадлежности (клещи, кувалды) и другие вещи.

Керамика представлена плоскодонными горшками, реже — мисками. Встречаются также глиняные крышки, сковородки, светильники. Посуда либо просто грубо заглаживалась, либо имела сетчатую поверхность. В. А. Городцов полагал, что эти отпечатки являются орнаментом: на сосуды надевалась специально изготавливаемая для этого сетка, которая потом расплеталась. Однако на сетчатой керамике есть и обычный орнамент в виде штампа, ямок, нарезок, отпечатков шнура. Скорее всего, сетчатые отпечатки наносились при уплотнении стенок сосуда специальной колотушкой, которая либо имела сетчатую поверхность, либо оборачивалась грубой тканью. Правда, непонятно, почему часть керамики оставалась гладкостенной. Во всяком случае, подмечено, что соотношение гладкостенной и сетчатой керамики в целом является датировочным признаком для дьяковской культуры: на ранних этапах сетчатой посуды более половины, постепенно её количество уменьшается, в первых веках нашей эры она уже составляет всего несколько процентов.

Из обожжённой глины делали также загадочные предметы — грузики дьякова типа, или дьяковские грузики. Эти изделия грибовидной формы с зазубренными краями и узким сквозным отверстием нередко на дьяков-

ских поселениях, но их назначение до сих пор неясно. Поверхность грузиков украшалась точечным орнаментом, линиями, насечками, свастиками и т. д. Существует множество гипотез об их предназначении; в них видят культовые предметы (вплоть до вместилищ душ умерших), пуговицы, рыболовные грузила, но наиболее распространенная трактовка — пряслица или грузики для вертикального ткацкого станка.

Долгое время погребения ранних этапов культуры не были выявлены. В V–VI вв. н. э. на отдельных дьяковских памятниках появляются специальные «домики мёртвых» — срубы прямоугольной формы, площадью 4–7 м², в которых в глиняных горшках помещаются остатки трупосожжений, совершенных на стороне. Такой «домик мёртвых» найден на городище Березняки. Там, кстати, нередко находки дьяковских грузиков.

В последние годы появились данные о погребениях дьяковцев, относящихся к более раннему времени. Вологодский археолог А. Н. Башенькин исследовал районы рек Мологи и Суды и открыл целый комплекс погребальных памятников у поселка Куреваниха. «Домики мертвых» располагались в лесу, недалеко от поселений. Остатки трупосожжений помещали в глиняные сосуды, в берестяные или деревянные туески. Кости принадлежали мужчинам, женщинам и детям. Рядом с прахом людей обнаружены кальцинированные кости животных и погребальный инвентарь — керамика, железные наконечники стрел, ножи и т. д.

В 2011 г. на городище Городище (Костромская область) обнаружено безынвентарное погребение женщины во рву, носившее, по всей видимости, ритуальный характер и являющееся едва ли не единственным погребением дьяковской культуры.

Свидетельств духовной жизни дьяковцев немного. Это миниатюрные глиняные зооморфные фигурки, а также костяные поделки с изображениями животных, несущие отпечаток влияния скифского «звериного стиля». Видимо, предметами культа служили глиняные женские статуэтки. Среди характерных признаков дьяковского искусства отмечают также символы в виде двух соединенных вершинами треугольников, накладки и наконечники поясов с тамгообразными знаками и стилизованными человеческими фигурками — так называемыми «пляшущими человечками», среди которых постоянно повторяется образ фигуры с высоко поднятыми вверх руками. А. Н. Башенькин особо отмечал изображения медведя и утки, сравнивая с данными этнографии, согласно которым оба животных служили особым предметом поклонения финноугорских народов: медведь как «хозяин леса», утка — как прародительница всего сущего, снесшая Мировое яйцо. Кроме того, у финнов считалось, что птица уносит душу

умершего, с чем можно связать встречающиеся в «домиках мертвых» подвески в виде летящей птицы.

В начале нашей эры в дьяковской культуре происходит качественный скачок. Он связан, видимо, с влиянием более развитых соседних балтских племен и с более активным участием в международном обмене. Дьяковцы, судя по костному материалу, начинают бить пушного зверя в крупных масштабах. Ассортимент костяных изделий резко сокращается, а потом они и вовсе исчезают, вытесненные железными. Развивается ювелирное искусство, широко распространяются бронзовые украшения, орнаментированные разноцветной выемчатой эмалью; появляются специфически дьяковские ювелирные изделия (бантиковидные нашивные бляшки, серьги с трапециевидными подвесками, украшенные парными шариками зерни, ажурные застёжки). В качестве предметов импорта, поступавших в обмен на меха, распространялись римские стеклянные бусы, а на Троицком городище была найдена римская фибула I века н. э. Вещи из Средиземноморья поступали к дьяковцам через скифов, впоследствии сарматов, которые вообще оказали определенное влияние на дьяковскую культуру.

С середины I тыс. н. э. дьяковская культура приходит в упадок и окончательно исчезает к VII в. При этом никаких признаков внешней катастрофы (вражеское нашествие и т. п.) не наблюдается. К VI в. вся территория дьяковской культуры от Средней Оки на юге до Верхней Волги на севере была заселена балтоязычными племенами, дьяковцы были вытеснены в восточную часть междуречья и за Верхнюю Волгу.

Е. И. Горюнова считала, что дьяковская культура плавно перешла в культуру мери. Однако А. Е. Леонтьев в конце 1980-х гг. высказал предположение, что меряне не являются потомками дьяковцев: у них разные системы расселения (дьяковцы — по берегам рек, меряне — на берегах озер), между культурными слоями дьяковцев и мерян не прослеживается преемственности, у мерян практически отсутствуют укрепленные поселения и т. д. Тем не менее конец дьяковцев до конца не ясен, этот вопрос требует дальнейших исследований.

Литература

1. Башенькин, А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. / А. Н. Башенькин // Проблемы истории Северо-Запада Руси. — СПб., 1995. — С. 3–29.

2. Дьяковская культура / отв. ред. Ю. А. Краснов. — М., 1974.

3. Кренке, Н. А. Дьяково городище : Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. / Н. А. Кренке. — М., 2011. — С. 121–133.

4. Кренке, Н. А. Хронология городищ «дьякова типа» в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования / Н. А. Кренке, Л. Д. Сулержицкий // Российская археология. — 2006. — № 2.

5. Смирнов, К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища / К. А. Смирнов // Материалы и исследования по археологии. № 184. — М., 1971.

6. Смирнов, К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры / К. А. Смирнов // Советская археология. — 1990. — № 2. — С. 51–62.

Средневековые памятники и находки

В VI–VII вв. н. э. на территории Верхнего Поволжья складывается **мерянская этнокультурная общность**. А. Е. Леонтьев считает, что меря могла прийти сюда со стороны Оки, из района рязано-окских могильников. Меряне были первыми жителями нашего края, которые упомянуты в письменных источниках. В первый раз имя меря (merens) встречается в сочинении «Гетика» византийского историка VI в. Иордана в числе 13 народов, покоренных готским королем Германарихом. Географическое местоположение мери достаточно четко дано в древнерусской «Повести временных лет»: «На Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, на Клещин озере меря же...». Согласно летописям, мерянские племена платили дань варягам, участвовали в их призвании, принимали участие в походах князей Игоря и Олега. В последний раз меря упоминается в летописи под 907 г. (участники похода князя Олега на Царьград).

Мерянский язык, по-видимому, был близок как к прибалтийско-финским, так и к марийским и мордовским наречиям. Многие топонимы Ярославской области имеют мерянское происхождение: Пужбол, Шурскол, Сара, Шопша, Воржа, Надокса, Вёкса, Дёболы, Касть, Кустерь, Курба, Итларь, Пура, Ить, Лахость, Келноть, Сулость... В некоторых районах области мерянские названия составляют до 70–80 % топонимов.

Меряне селились между землями Белозерской веси и территориями мордвы и муромы в окском бассейне. Наиболее густонаселенными районами были земли вокруг озер Неро и Плещеево. Так, вокруг озера Неро было найдено 19 селищ и Сарское городище, а в районе озера Плещеева — 11 селищ и городище на Александровой горе. Основу хозяйства в VI–VIII вв. составляли скотоводство и земледелие. Разводили свиней, лошадей, крупный рогатый скот. Земледелие было подсечно-огневым.

Известны находки слабоизогнутых серпов, каменные жернова. Значительную роль играли охота и рыболовство.

Основным типом поселений являлись селища. Они располагались на возвышенных берегах небольших рек и озер. Иногда мерянские поселения размещались на месте старых городищ дьяковской культуры. Центром племенных группировок, обитавших на наших территориях, было, по-видимому, Сарское городище на правом берегу реки Сары в 2 км от села Деболовское. Исследования этого памятника велись с середины XIX в. Городище существовало с конца VII до начала XI в., было укреплено четырьмя валами и рвом, а его площадь могла достигать до 2,7 га. На поселении были обнаружены 12 деревянных построек: наземных сооружений и полуземлянок с двускатной крышей и земляным полом. По-видимому, Сарскому городищу были присущи две основные функции: военная, о чем свидетельствуют мощные оборонительные сооружения и большое количество предметов вооружения, и торговая: найдено много привозных изделий, восточные серебряные монеты и т. д. Примечательно, что на другом берегу Сары было обнаружены остатки «сезонного лагеря», обитателями которого были купцы или дружинники. Наличие подобной стоянки рядом с племенным центром подтверждает его роль политического и торгового центра.

Керамика оставалась лепной, наиболее часто встречались плоскодонные приземистые горшки с широким горлом и гладкой, чуть подлощенной поверхностью. Значительного развития у мерян достигли ремесла: кузнечное, ювелирное, косторезное и др. Интересно, что литейное производство носило домашний характер, причем изготовлением украшений из бронзы занимались в основном женщины. Об этом свидетельствуют женские погребения с литейными формочками и льячками. Пожалуй, одним из типичных украшений мери были шумящие привески: колокольчики, трапециевидные подвески, или «утиные лапки», которые крепились к треугольной, круглой или четырехугольной основе с помощью коротких цепочек. В качестве основы или отдельной подвески могли выступать фигурки птичек или коньков. Такие подвески крепились на груди или у пояса, звенели при ходьбе и являлись не только украшениями, но и талисманами-оберегами. Часто в составе таких привесок встречались копоушки — инструменты в форме палочки, как правило украшенной резьбой или изображением птички, колеса и т. д., с ложечкой на конце, предназначенные для чистки ушей.

Бытовые предметы представлены многочисленными глиняными, костяными и каменными пряслицами, костяными проколками, железными

ножами и т. д. Характерным орудием труда были пластинчатые кресала и железные втульчатые топоры-кельты, которые могли использоваться для рубки и обработки дерева.

Типичными для мери являются грунтовые могильники. Захоронения по обряду трупосожжения и трупоположения в могильниках одновременны и по инвентарю не различаются. Сожжения производились на стороне, урны не использовались. Трупоположения характеризуются северной ориентировкой. Для мужских погребений обычны находки ножей, кресал, топоров и копий, для женских — шейных гривен, ожерелий из стеклянных бус, перстней, проволочных височных колец и «шумящих» привесок. В могильниках нередко встречаются культовые предметы: кольца и медвежьи лапы из глины, железные змеи, подвески из костей бобра и др. С языческими культами связаны подвески из когтей медведя. Это, как и наличие подвесок — птичек и коньков, — свидетельствует о широком распространении зооморфных культов.

В IX в. на территории восточно-финских племен появляется курганный обряд погребений, что связывают с постепенным проникновением сюда славянского населения. Как правило, в курганных группах мерянские погребения соседствуют со славянскими захоронениями. Вероятно, это отражает постепенный процесс ассимиляции местного населения славянами.

Мерянские племена в IX–X вв. находились на стадии разложения родоплеменного строя, этот процесс был значительно ускорен славянской колонизацией, которая вызвала разрушение прежней племенной структуры и фактически ликвидацию мерянских поселений.

Единичные проникновения отдельных групп славян на территорию современной Ярославской области, видимо, начались еще в конце VIII в., но широкое освоение славянами здешних территорий приходится на IX–X вв. Основная масса памятников этого периода сосредоточена в бассейне Мологи и далее вплоть до Ростова, что свидетельствует о значительном потоке переселенцев с северо-запада — **новгородских словен**. Начало интенсивной волны расселения **смоленских кривичей** приходится на X–XI вв. Вполне возможно, что незначительный процент славянских переселенцев, особенно в южных районах, составляли **вятичи**, проникавшие сюда со стороны Оки.

Проникало сюда и неславянское население. Так, вероятно, вместе со словенами в Ярославское Поволжье пришла **белозерская весь**, зафиксировано и некоторое участие **балтских племен**. Влияние межэтнических

контактов было отмечено на финских памятниках в районе Череповца, в устье рек Шексны и Мологи.

Сближение славянских и мерянских этносов проходило достаточно мирно. По-видимому, нередкими были брачные связи между славянами и мерянами, о чем свидетельствует появление славяно-мерянских поселений и наличие финно-угорских элементов в славянских курганных могильниках. Меря, как этнос, перестала существовать в XII в., хотя в окружении славян еще пару столетий сохранялись сравнительно небольшие островки финно-угорского населения.

Наряду с небольшими сельскими курганными могильниками, насчитывающими обычно не более нескольких десятков насыпей, на нашей территории появляются и более крупные некрополи, которые еще в начале XX в. получили название «дружинных», поскольку в первых раскопанных захоронениях были обнаружены мужские костяки с набором оружия и исследователи посчитали, что такие кладбища являются могильниками княжеских дружинников. Позднее выяснилось, что погребения мужчин с оружием составляют всего 10–15 %, но название «дружинные» так и осталось.

Среди подобных могильников можно назвать Тимерёвский (зафиксировано около 400 насыпей, но некоторые исследователи насчитывали до 1,5 тысяч курганов), Михайловский (около 400 погребений) и Петровский (около 150). Они датируются IX–XI вв. Курганы оставлены в основном славянско-финским населением, но встречаются среди них и **скандинавские захоронения**.

На Тимерёво было обнаружено два клада куфических монет, относящихся к 860–870 гг. Данные клады были «вторичными», т. е. попали в поселок не с Востока, а из скандинавских стран, поскольку арабское серебро уже с VIII в. служило единым стоимостным эквивалентом во всей Восточной и Северной Европе. О «вторичности» свидетельствуют рунические граффити на монетах.

Основными торговыми путями, которые проходили по финно-угорским, а затем славянским землям были Днепровский путь «из варяга в греки» (IX–XI вв.) и Волжский торговый путь, освоенный, видимо, немного позднее и функционировавший в X–XI вв. Скандинавы не просто проезжали по территории, они торговали, нанимались на военную службу, жили здесь и здесь же умирали. Они оседали на уже существующих поселениях, постепенно растворяясь в славянской среде, но не теряя до конца своей идентичности. В дружинных могильниках можно выделить ряд погребения, относящиеся к норманнским.

Погребальным обрядом у варягов, как и у славян в этот период, было в основном трупосожжение (чаще на стороне, реже — на месте). Однако были некоторые чисто скандинавские особенности: помещение урны с прахом в каменной вымостке, имеющей ладьевидную форму, трупосожжение на месте в ладье. Типично скандинавским был обычай втыкать оружие в остатки кремации. Еще одна примета скандинавских мужских захоронений — шейные гривны с молоточковидными привесками, «молоточками Тора», которые надевали на погребальную урну. Женским скандинавским украшением были черепаховидные или скорлуповидные фибулы. Они закрепляли на груди бретели женской одежды, поэтому практически всегда встречаются парами.

Общеввропейский характер имели мечи так называемого «каролингского типа», которые производились в оружейных мастерских на Рейне, но достаточно часто встречались именно в Скандинавии. Мечи имели около 1 м в длину и широкое лезвие с закругленным концом. По одному такому мечу было найдено в Михайловском и Тимерёвском могильниках и на Сарском городище.

В целом по погребальному обряду и типичным скандинавским артефактам в Тимерёвском могильнике насчитывается от 5 % (по подсчётам М. В. Фехнер) до 15 % (по подсчетам И. В. Дубова) норманнских погребений. Есть отдельные вещи, которые имели скандинавское происхождение, однако считать их нахождение в погребениях признаком скандинавской принадлежности погребённого не совсем корректно, т. к. эти вещи могли попадать в число инвентаря и другой этнической группы, будучи купленными, полученными в результате обмена или военной добычи.

Таким образом, археологические данные о присутствии варягов в погребениях говорят о том, что скандинавы были одним из элементов того населения, которое оставило эти большие могильники. Поскольку наиболее крупные некрополи связаны с двумя важнейшими торговыми путями, проходившими через восточную Европу, ясно, что скандинавы приезжали на Русь в основном для ведения торговых дел. Несколько позднее варягов начинают привлекать на Русь в качестве военных наёмников.

К числу определяющих финских элементов исследователи долгое время относили наличие в погребениях глиняных лап и колец, шумящих привесок и оберегов из просверленных зубов и костей животных. Таким образом, на долю славянского населения оставались погребения без каких-либо ярких признаков: трупосожжения с малым количеством погребального инвентаря и трупоположения с западной ориентацией. Правда, А. Е. Леонтьев считал, что большинство финских элементов вполне мо-

жет присутствовать в славянских погребениях, поскольку в условиях складывания новой этносоциальной общности характерно смешение и заимствование религиозных обрядов, следовательно, процент финских погребений здесь следует свести к минимуму.

Славяне селились на пригодных для занятий земледелием участках вдоль речных долин. В X–XI вв. здесь развивается новая структура хозяйства, включающая пашенное земледелие. Наряду с земледелием большую роль в хозяйстве играло и животноводство. Заметную роль играли промыслы: охота, рыбная ловля, бортничество. С сельским хозяйством были тесно связаны такие виды деятельности, как прядение, ткачество, деревообработка и косторезное производство. Вплоть до X в. на славянских памятниках господствовала лепная керамика, которая к концу XI в. почти полностью вытесняется гончарной. Значительное место в хозяйстве занимало железоделательное производство.

Обработка цветных металлов была менее распространенной отраслью хозяйства, что связано с отсутствием залежей необходимых руд. Сырьем, по-видимому, служил лом цветных металлов, а также европейские, византийские и арабские монеты. Орнамент на украшения наносился чеканом, позднее распространение получают зернь и скань. Традиционным украшением славянок были височные кольца, которые вплетались в волосы или крепились к кожаному ремешку на голове. Височные кольца разных славянских племен значительно отличались по внешнему виду: для кривичей были характерны браслетообразные кольца с завязанными концами, для словен — ромбоштитковые, для вятичей — семилопастные и т. д.

В IX–XI вв. появляются первые города на территории Ярославского края. **Ростов** впервые упоминается в «Повести временных лет» под 862 г. Город возник на месте мерянского поселения, во времена Рюрика стал центром сбора дани, а позднее, уже как центр княжеской власти, приобретает господствующее значение, окончательно сместив с прежних позиций Сарское городище. В 988/989 г. Ростов был передан во княжение Ярославу Владимировичу, а после его перевода в Новгород — Борису Владимировичу.

Официальной датой основания **Ярославля** считается 1010 г., время ростовского княжения Ярослава Мудрого. Город был основан в устье Которосли как крепость, прикрывающая путь к Ростову. Судя по материалам недавних археологических раскопок, здесь уже в середине XI в. возвышалась небольшая по площади крепость с мощными укреплениями. Первое упоминание Ярославля в летописи приходится на 1071 г. и связано с описанием восстания волхвов, зачинщики которого происходили из Ярославля.

Углич впервые упоминается только в 1148/49 г., кстати, как и Молога, но местные предания относят основания города ко временам княгини Ольги. Эти данные косвенно подтверждаются археологическими раскопками, датирующими первое славянское поселение на месте будущего города третьей четвертью X в.

Интересна история **Рыбинска**. Хотя официально Рыбная слобода получает городской статус лишь в XVIII в., археологические раскопки фиксируют появление поселения на месте впадения Шексны в Волгу в первой половине XI в. Причем поселения большого, площадью не менее 30 га, крупного торгового и ремесленного центра. Среди находок археологов можно упомянуть арабские дирхемы и западноевропейские денарии, византийские и скандинавские изделия, актовые печати. Есть упоминания об Усть-Шексне и в летописи: в 1071 г. княжеский дружинник Ян Вышатич «сташа на Усть-Шексны» для проведения суда над восставшими волхвами. Накопленный за 20 лет исследований материал позволил РАН в 2020 г. констатировать: «Обзор известных исторических и археологических источников показывает, что современный город Рыбинск является прямым историческим преемником ранее существовавших на территории города двух поселений на берегах Волги и Шексны: Усть-Шексны и Рыбной слободы. По имеющимся данным, жизнь на этой территории без заметных перерывов продолжается на протяжении не менее 950 лет». В итоге, во многом благодаря археологическим исследованиям, в 2021 г. город отпраздновал свое 950-летие.

Меньше всего споров у исследователей вызывает дата основания **Переславля**. В летописи прямо говорится о том, что в 1152 г. князь Юрий Долгорукий «град Переславль от Клещина перенес и созда больше старого». То есть здесь, как и в случае с Сарским городищем, идет речь о переносе функций старого мерянского племенного центра на новый центр княжеской власти

Вместе с княжеской колонизацией края происходит и его христианизация. Официальной датой основания ростовской епархии считается 992 г., хотя в летописях говорится, что первые ростовские епископы Федор и Илларион «терпели беспрестанные огорчения» по вине местных жителей и вынуждены были вернуться в Византию. Христианство с трудом приживалось на ростовских землях, об этом свидетельствуют как восстания волхвов 1024 и 1071 гг., так и практически полное отсутствие вплоть до конца XI в. предметов христианского культа в археологических материалах, да и позднее, вплоть до XIII в. крестики и иконки на территории городов и сельских поселений встречаются нечасто, причем боль-

шая их часть имеет южное происхождение. Христианизация Ярославского края была процессом длительным, растянувшимся на столетия. Долгое время бытовало так называемое двоеверие, смешение языческих и христианских элементов.

Литература

1. Альквист, А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья / А. Альквист // Очерки исторической географии : Северо-Запад России. Славяне и финны. — СПб., 2001. — С. 436–467.
2. Археология древнего Ярославля : Загадки и открытия / [Е. Е. Антипина и др.]. — М., 2012.
3. Дубов, И. В. Города, величием сияющие / И. В. Дубов. — Л., 1985.
4. Иванов, Л. М. Археологические источники и реконструкция ранней истории Ярославля / Л. М. Иванов // Археология : история и перспективы исследования. Первая межрегиональная конференция. — Ярославль, 2003. — С. 89–99.
5. Леонтьев, А. Е. Археология мери : К предыстории Северо-Восточной Руси / А. Е. Леонтьев. — М., 1996.
6. Рыкунова, И. И. Рыбинск : путешествия сквозь века : Археология земли Рыбинской / И. И. Рыкунова, А. Н. Рыкунов, Л. М. Иванов. — Рыбинск, 2011.
7. Рябинин, Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси / Е. А. Рябинин. — СПб., 1997.
8. Томсинский, С. В. Углече Поле в IX–XIII веках / С. В. Томсинский. — СПб., 2004.

Вопросы для самоконтроля

1. Кто из исследователей провел первые полномасштабные раскопки на территории Ярославского края?
2. Кто из исследователей внес основной вклад в изучение фатьяновской культуры?
3. Когда в Ярославле прошел VII археологический съезд?
4. Кто провел первые раскопки в городе Ярославле?
5. В каком городе был проведен I областной археологический съезд?
6. Кто сейчас возглавляет Ярославскую археологическую экспедицию?
7. Назовите древнейшую стоянку на территории Ярославского края.
8. Назовите древнейшую культуру бронзового века на территории нашего края.
9. Для какой из культур Ярославского края были характерны укрепленные городища?
10. Чьим племенным центром было Сарское городище?
11. В каких курганных могильниках Ярославского края были найдены скандинавские артефакты?
12. Какой из городов Ярославского края ранее всех упоминается в летописях?
13. В каком году была открыта фатьяновская археологическая культура?
14. Какие из славянских племен участвовали в заселении Ярославского края?
15. Перечислите культуры каменного века на территории нашего края.

Оглавление

Введение	3
Часть 1. История археологического изучения Ярославского края	5
Часть 2. История Ярославского края с древнейших времен	
до XII века	16
Каменный век	16
Бронзовый век	20
Ранний железный век	25
Средневековые памятники и находки	30
Вопросы для самоконтроля	38

Учебное издание

Археология Ярославского края

Учебно-методическое пособие

Составитель

Спиридонова Елена Владиславовна

Редактор, корректор М. Э. Левакова

Верстка М. Э. Леваковой

Подписано в печать 29.04.2022. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 2,32. Уч.-изд. л. 2,0.

Тираж 2 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен

в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

150003, Ярославль, ул. Советская, 14.